

Антипов А.Г. Словообразовательная морфология русских говоров (структурно-системный и когнитивный аспекты): АКД. Кемерово, 1997.

Москвичева С.А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке: АКД. М., 2002.

Н.А. Беседина
(Белгород)

ФОРМАТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ В МОРФОЛОГИИ

Одно из направлений современных когнитивных исследований в лингвистике связано с изучением различных типов знания и способов их языкового представления (см., например, [Типы знаний... 2007]). В контексте этого изучаются особенности оценочного [Болдырев 2002], диалектного [Болдырев, Куликов 2006], гендерного [Гриценко 2005, Серова 2007], научного [Чернявская 2005, Дроздова 2007, Кудрина 2007], инферентного [Кубрякова 2004] и других типов знания, а также разрабатываются отдельные аспекты их языкового представления [Перевозова 2004, Гаврилова 2007, Прохоров 2006, Дубовицкая 2007, Тимофеева 2007] и устанавливаются структуры знания, стоящие за языковыми формами различных уровней.

В таксономии знаний, представленной в работах отечественных лингвистов-когнитологов (см., например: [Кубрякова 2004, Болдырев 2007]) в качестве особого типа выделяется языковое знание. Как известно, на его существование указывал еще Б. де Куртенэ, считавший, что «мы вправе принять третье знание, знание языковое рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79].

Признавая наличие языкового знания, отечественные лингвисты исходят из существования взаимодействия между энциклопедическим и языковым знанием. Такое понимание основывается на том, что языковые единицы не могут функционировать автономно от других аспектов деятельности человеческого разума, так как язык и мышление рассматриваются как производные предметно-практической познавательной деятельности человека. Комментируя проблему языкового знания, Е.С. Кубрякова обращает внимание на то, что знание о мире – это знание о разных объектах («объектное знание») одним из которых является язык [Кубрякова 2004: 10]. В качестве такового он одновременно отражает знания о мире, знания о самом языке и знания о том,

как язык отражает все эти знания. Поэтому знание о языке входит составной частью в знание о мире [Там же]. В свою очередь, «знания о мире опосредованы знаниями о языке, «пропущены» через языковые формы, структуры хранения того или иного типа знания проявляют значительные черты сходства и т.д.» [Кубрякова 1992: 24]. Аналогичной точки зрения придерживался С.Д. Кацнельсон, определявший языковые знания как знания о мире, обусловленные языком [Кацнельсон 2002: 131]. На обусловленность знаний о мире языковыми знаниями обращает внимание также Р.М. Фрумкина, отмечающая, что «фундаментальной частью наших знаний о мире являются представления об отношениях между концептами – об их сходствах и различиях, об их «горизонтальных» и «вертикальных» связях, об отношениях «класс-член класса», «часть-целое» и т.п. Эти представления в норме фиксируются через язык. Язык их фиксирует и транслирует, отражая динамику нашего познания» [Фрумкина 1992: 7].

По мнению А.А. Залевской, языковые знания существуют только в контексте многообразного опыта индивида, формируемого через личностное преломление-переживание, но под контролем сложившихся в социуме норм и оценок [Залевская 2005: 196]. Поэтому «языковые знания оказываются «пустыми» без знаний о мире» [Залевская 1999: 166].

Тесная взаимосвязь двух типов знания не означает, однако, их отождествления и предполагает одновременно их дифференциацию. Рассматривая эту проблему, Н.Н. Болдырев приходит к выводу о том, что понять различную природу энциклопедических (знаний о мире) и языковых знаний позволяет существование двух аспектов языка: онтологического и гносеологического [Болдырев 2006: 10].

Как известно, специфическое видение мира, присущее тому или иному языковому коллективу, отражается в способе организации лексики и наборе грамматических категорий того или иного языка. Например, наличие в языковой системе категорий единственного и множественного числа или же единственного, множественного и двойственного числа, а также существование настоящего, прошедшего, будущего или же прошедшего и настоящего-будущего, свидетельствует о различиях в членении количественного и временного континуума. Более того, инвентарь самих грамматических и, прежде всего, морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. Так, например, в морфологии русского и немецкого языков имеется категория рода, в то время как в английском языке она была утрачена в ходе исторического развития.

Как считает В.Б. Касевич, языковое знание – «суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, т.е. в его словаре и грамматике» [Фрумкина и др. 1990: 99]. Как следствие, языковое знание в общем виде – это знание об устройстве системы языка, о закономерностях его развития и современного состояния, о его единицах, категориях и функциях [Кубрякова 2004]. Оно включает значения слов, их лексико-семантические и лексико-синтаксические характеристики, значение морфологических форм и знание схем связывания слов в конструкцию [Фурс 2004]. Иными словами, языковое знание представляет собой «результат познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, т.е. его функционирования» [Болдырев 2007б: 20]. Вследствие этого оно ограничено рамками системы того или иного языка, которая, в каждый конкретный момент, представляет собой относительно стабильную систему. Вследствие этого, языковое знание оказывается более стабильным и представляет собой в большей степени закрытую систему.

Детальную разработку проблема языкового знания получила в ряде последних работ Н.Н. Болдырева (см., например: [Болдырев 2007а, 2007б и др.]). Им, в частности, выделяется три основных типа языкового знания: вербализованное знание об объектах окружающего мира, отраженное в лексической семантике; знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику представления знания о мире в языке; знание языковых единиц и категорий, имеющих внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания в языке.

Сказанное выше позволяет заключить, что языковое знание, будучи весьма неоднородным по своему содержанию, помогает нам определенным образом структурировать знание о мире, что находит свое проявление в существовании различных форматов его репрезентации.

В настоящей статье речь пойдет о форматах такого представления в морфологии. Под форматом знания, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимается «определенная форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях» [Болдырев 2006: 5]. В соответствии с данным определением, языковые категории рассматриваются как особый формат знаний. Применительно к проблеме, заявленной для рассмотрения, морфологические категории могут быть определены как форматы представления языкового знания второго типа, имеющего «не-

посредственное отношение к онтологии языка, его природе, внутреннему устройству и законам функционирования» [Болдырев 2007б: 24].

Как и другие категории, морфологические категории представляют собой объединение объектов на основе общего концепта, что обеспечивает единство концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке (подр. см. [Беседина 2006]). Соответственно, различия между морфологическими категориями определяются различиями лежащих в их основе концептов и существованием нескольких уровней концептуализации в морфологии. Последние определяются как различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии. Концептуализация в морфологии осуществляется на сентенциональном уровне, включающем в себя уровни предикативности и сказуемости, и уровне семантики лексико-грамматических разрядов слов. Необходимость разграничения данных уровней обусловлена внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. При этом следует особо отметить тот факт, что между названными уровнями отсутствуют четкие границы, что является следствием проявления континуальности как на концептуальном, так и на семантическом уровне, а также асимметрии в соотношении концептуального и семантического уровней. Выделение уровней концептуализации в морфологии позволяет построить таксономию морфологических категорий, основанную на их соотношенности с каждым из таких уровней, и включающую три категориальных формата.

Категории первого формата (глагольные категории времени, лица и наклонения) связаны с передачей концептуального содержания на уровне выражения предикативных отношений и, соответственно, ориентированы на то, что выходит за рамки непосредственно пропозиции. По своему значению они соотносят сообщение с актом речи и связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Данные категории, показывая средствами языка связь человека с этими событиями, позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте его реальности/ирреальности. Как следствие, рассматриваемые категории имеют всеохватывающий характер, что объясняется универсальностью задаваемых параметров и независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем. В первую очередь это относится к категориям времени и наклонения, как характеризующим событие в его целостности. Как известно, например, в английском языке любой глагол в предложении-высказывании, независимо от своей семантической принад-

лежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения.

Второй категориальный формат включает те категории, которые представляют концептуальное содержание на уровне выражения субъектно-предикатных (пропозициональных) отношений (глагольные категории числа, залога, вида, а также категории числа, падежа и рода существительного). Они репрезентируют то, как связи между объектами реального мира отражаются в языке и, соответственно, в большей степени ориентированы на собственно языковые знания. В отличие от категорий первого формата, они (в первую очередь, вид и залог) характеризуются определенной избирательностью в плане семантики глагольных лексем. Как известно, например, английские формы прогрессива и пассива возможны только у акциональных глаголов.

Третий категориальный формат представлен именными морфологическими категориями числа и падежа, категорией степеней сравнения прилагательных и наречий, а также глагольной категорией аспекта и категорией детерминации, непосредственно связанными с категориями скрытой грамматики, такими как: конкретность/абстрактность, качественность/относительность, одушевленность/неодушевленность, предельность/непредельность и т.д. данные категории репрезентируют концептуальное содержание на уровне собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов, семантики, ориентированной на внешний мир и его представление в языке. Они направлены на отображение знаний о предметах и событиях мира, их взаимосвязях с точки зрения их влияния на использование языковых единиц и их систематизацию в языке. Тем самым они содержат информацию о том, как репрезентирована и категориально организована в языке семантика.

Единицей языкового знания, передающей способ языковой репрезентации знания энциклопедического, является морфологически передаваемый концепт (подр. см. [Беседина 2006]). Именно последний создает когнитивную основу представления знаний в морфологии. Как и любой другой концепт, он существует в двух ипостасях: как единица знания, репрезентируемая с помощью морфологических категорий и форм, и как концепт, лежащий в основе формирования морфологических категорий и реализующийся в виде конкретных грамматических смыслов (грамматическое число, время, наклонение, аспект и др.). Будучи основой формирования соответствующих морфологических категорий, морфологически передаваемые концепты позволяют подводить существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и определяют семантику последних.

Содержание морфологически передаваемых концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые обладают статусом особых категориальных смыслов и имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса. Так, например, содержание морфологически передаваемого концепта ВРЕМЯ включает в себя знания о мире, как они отражены языком, а именно знания о том, как время представлено в языке, и знание грамматических значений форм, объединяющихся в рамках морфологической категории времени. Соответственно его содержание составляют характеристики «одновременность с моментом речи», «предшествование моменту речи», «следование за моментом речи».

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается полностью только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации. Это определяет полифакторность морфологической репрезентации. Одновременно представление знаний в морфологии оказывается и интегративным процессом, поскольку в нем задействованы и другие уровни языковой системы (лексический и синтаксический). Вследствие этого, морфология выступает как область смыслов, служащих основой для формирования конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов. Данная особенность объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно в языковой системе, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом смысла в процессе речемыслительной деятельности.

В свою очередь, специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках в силу того, что инвентарь морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. Все сказанное выше позволяет заключить, что морфология играет центральную роль в репрезентации языкового знания.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Дисс. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2006.

Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. М-Воронеж, 2002. С. 103-114.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2006. Том 65. № 3. С. 3-13.

Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. Москва, 2007а. С. 95-108.

Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007б. С. 12-28.

Гаврилова Е.Д. Репрезентация знаний оценочного характера в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 140-149.

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Н.Новгород, 2005.

Дроздова Т.В. Репрезентация концептов в научном тексте (опыт концептуального анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 31-35.

Дубовицкая Е.Ю. Аппроксимация как прототипическая категория // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 150-156.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005. 543 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 4-38.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кудрина Н.А. Прецедентный характер «старого» научного знания // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 38-45.

Перевозова Ю.Е. Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.

Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов 2006. 20 с.

Серова И.Г. Гендер как новая область знания // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 45-54.

Тимофеева Т.Н. Научные экономические знания в общей типологии знаний и их репрезентация посредством прецедентных феноменов // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. С. 120-129.

Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2007. 311 с.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 1-7.

Фрумкина Р.М., Звонкин А.К., Ларичев О.И., Касевич В.Б. Представление знаний как проблема // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 85-101.

Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2004.

Чернявская В.Е. Научное знание: когнитивное vs социальное (к вопросу о критериях оценки научного результата) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 15-20.

Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева
(Нижний Новгород)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ О ГЕНДЕРЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Проблема лексикографического описания гендерных репрезентаций относится к числу малоизученных. Между тем, лексикографический дискурс является одним из важнейших ресурсов конструирования гендера, представляющего собой когнитивную деятельность имплицитного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм с гендерными представлениями, являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры.

Феминистская критика андроцентризма в языке и призывы к его реформированию основаны на постструктуралистском понимании роли власти в формировании значений [Fairclough 1989]. Отношения языка и власти проявляются в борьбе идеологически оппозиционных дискурсов за возможность определять и поддерживать те или иные положения как общепринятые. Дискурс (по М. Фуко) понимается как исторически детерминированная форма организации и распространения знаний. При таком подходе пол, как и все другие понятия, предстает человеку не в некоем естественном виде, а через язык – как результат дискурса, определяющего для говорящих их конкретные свойства и отведенные им роли.

Поскольку наиболее ярко динамика лексикографических репрезентаций гендера выявляется на материале одного и того же источника разных лет издания, для анализа был выбран словарь А.С. Хорнби, первая редакция которого вышла в свет в 1942 г., а последнее, седьмое